
Кавказские
легенды

Р. М. ФАТУЕВ

КАВКАЗСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1958

ЭРОККО

Не память хранит воспоминания, а сердце: в сердце зреют любовь и ненависть, в сердце горе находит могилу, в сердце радость торжествует победу.

Вспоминая о прошлом, спрашивай не память, а сердце: память изменчива, а сердце, когда слышит — мягче воска, когда хранит — тверже камня.

Вот рассказ, который поведает тебе мое сердце.

Имя мое — Аскернан. Я родился в год, когда в

Дагестане, на горе Гуниб, русские генералы взяли в плен Шамиля. Сочти, сколько мне лет?.. Всю жизнь я прожил в селении Аддиках и только два раза оставлял его: один раз затем, чтобы проводить Серго, — это было давно! Другой раз — ради его памяти, — это было недавно!..

I

Отряд Серго поднимался на скалистую гору Матты, прозванную русскими Столовой. Когда в Аддиках стало известно об этом, многие, и я тоже, решили присоединиться к отряду, чтобы помочь ему пройти тяжелый путь. Там, где Асса имеет широкий разлив, мы настигли отряд. Был день, но было темно, словно ночью — такой бушевал буран.

Я спешился и, проваливаясь в снег, пошел под откос наперерез отряду: мне захотелось увидеть Серго. Буран неожиданно стих, выглянуло солнце, засверкал снег, стали видны самые дальние вершины.

Серго ехал впереди всех в мокрой от снега бурке. Возле седла у него висела серебряная шашка, а на мизинце левой руки — ременная плеть. Он прикрывал кого-то буркой и когда откинул ее, я увидел смеющееся лицо ребенка.

— Посмотри на этого джигита. Как он смеется! — подзывая меня, сказал Серго.

— Счастливец! — ответил я.

— И еще какой! Когда мы пробивались сквозь буран, он спал спокойно, а сейчас, когда засияло солнце, проснулся и... улыбается.

— Пусть все такие, как он, спят спокойно, а когда проснутся — увидят солнце.

— Хорошо сказал, приятель! — похвалил меня Серго. — Будем об этом помнить.

Выпавший снег занес все тропы. Отряд двигался, не зная, что впереди: трещина ли, откос ли, пропасть?.. За далекими вершинами опять скрылось солнце, холодное зимнее солнце, и опять стало темно.

— Привал сделаем на горе Эрокко, — предложила молодежь.

— О нет! — ответили им старики. — На Эрокко

делать привал нельзя, ибо Эрокко — это значит «Курган несчастья». Это место проклято самим Тха[1]. Мы сделаем привал дальше, у древнего святилища Жулат, там, где совершались все обряды заключения дружбы. Жулат — самое почитаемое в горах Кавказа место. Найти там приют — о, это хорошее предзнаменование!

Всю ночь шел отряд, в котором были и русские, и осетины, и кабардинцы, и чеченцы, и многие другие народы Кавказа, борясь с ледяными оползнями и снежными обвалами. Старая, забытая дорога вела на Эрокко. Много развалин мы видели на своем пути. Остатки каменных оград, старинные конюшни с коновязями и расколотые ясли. Кое-где в стенах замурованы конские черепа, изъеденные червями и пожелтевшие от времени. Черепа должны были отвращать злые наветы врагов и сохранять благополучие хозяев дома. Но конские черепа не спасли их от расправы князя Атажукина. Он разорил дома эроккцев за попытку воспользоваться пустующими землями «Кургана несчастья».

В сумерки, когда по снегу побежали синие тени, мы увидели на уступе горы развалины мечети, некогда построенной здесь кабардинцами.

О великое и священное место Жулат! Здесь в старину встречались враги для примирения; здесь пресекались вражда, ненависть и злоба; здесь возрождался мир между людьми, селениями и народами. Отсюда шло успокоение для страны и счастье для обездоленных.

Наш отряд обошел стороною отлогую, без единого деревца, гору Эрокко и начал подъем у Жулат. Все спешились и повели коней в поводу, устремив взоры на высокий курган. Вот уже видны плиты дикого камня, полуразрушенные арки и тяжелая деревянная дверь в южной стене. Серго передал задремавшего у него на руках ребенка стоящему рядом с ним воину, а сам рванул дверь, желая первым войти в «Жилище примирения». Но, распахнув дверь, замер.

---

[1] Тха — древне-языческое божество.

На земляном полу, вместе с рогами туров и оленей, старым оружием и костями животных, лежали трупы детей и женщин: Жулат стал могилой людям, искавшим в нем убежища.

Мы долго смотрели на безвинно погибших, чувствуя себя пришельцами на родной земле. Гнев и боль сжимали нам грудь. Никто не мог вымолвить ни слова, и лишь руки крепче сжимали рукояти сабель.

— Это место священно. Кто решился осквернить его убиением беззащитных? — спросили старики после долгого молчания.

Им никто не ответил.

— Мы просим тебя отомстить тем, кто решился на это, — обратились старики к Серго, показывая на лежащих. — Мы тоже будем мстить и клянемся в в том именем Тха!

— О нет! — возразил я. — Не будем давать клятву именем древнего божества. Те, кто лежит здесь, надеялись на его могущество, думали, что Тха убережет их от смерти. В надежде найти спасение в мечети они нашли свою гибель. Тха не спас их, не спасет и нас! Но мы не женщины и не дети и нам не нужна его помощь — мы найдем врага и уничтожим его. В этом мы и дадим себе клятву, но не именем Тха, а твоим, Серго!

На это Серго ответил:

— Клятва, которую вы хотите произнести, будет и моей клятвой. Могу ли я ее дать своим именем?

— Для нас нет имени, дороже твоего!

— Вы награждаете меня таким доверием, какое достойно моего учителя и вашего друга.

И мы ответили Серго:

— Дадим клятву именем Ленина!

Обнажив клинки сабель, склонив головы над убитыми, мы поклялись отомстить врагу, где бы он ни был.

II

Оставив Жулат, мы прошли мертвую землю Эрокко и добрались до первого хутора. К нам навстречу вышла бедная вдова и рассказала о том, как «белые

собаки» подожгли ее дом и все имущество. Серго, видя, в каком бедственном положении находится женщина, хотел было помочь ей деньгами, но вдова отказалась:

— Ты горец, Серго, — сказала она, — тебе известны наши обычаи, а я — одинока и беспомощна...

— О, я вижу, ты сильно ненавидишь своих врагов! — воскликнул Серго, поняв сразу, чего хочет от него женщина. — Твои враги жестоко заплатят мне! — И брови у него сошлись.

— Благословлю тебя, мой сын, Серго, и всех тех, кто с тобою! — женщина показала на нас. Поклонившись и закрыв рот платком она тихо пошла к дымящемуся пепелищу.

— Мы не потерпим над собою никакого хозяина, будь то сам Тха! — заявили мужчины. — Не мы ли потомки тех народов, что всю жизнь бились за свободу, что сражались с полчищами врагов и выходили победителями?

— Да, вы потомки того народа, враги которого до основания разрушали его селения, и он снова на развалинах воздвигал их. Да, вы потомки героев! — отвечал Серго. — И я знаю — вы ни в чем не уступите своим предкам!

И все мужчины — старики и юноши этого хутора — пошли вместе с нашим отрядом.

III

Опять Серго ехал впереди, крепко прижимая к себе спящего ребенка. После семи часов пути прибыли на безымянный хутор и здесь узнали, что все близлежащие аулы разорены дотла. Серго, объявив отряду, что завтра, на восходе солнца, предстоит встреча с врагом, приказал расположиться на отдых.

Среди глубокой ночи раздался цокот копыт. Я вышел на кровлю и, уловив, с какой стороны слышится цоканье, стал всматриваться. Дома и ограды скрывали от меня дорогу и улицу. По звуку я проследил, куда проехал всадник: он проехал к дому, в котором остановился Серго.

— Плохие вести привез мне гонец, — призвав нас

к себе, сказал Серго. — Мой отряд выступает сегодняшней ночью, а вы возвращайтесь в свои селения и охраняйте их от врагов. — И, показав на мохнатую бурку, в которую был завернут ребенок, добавил: — А он пусть останется здесь и спит спокойно.

Серго осторожно вышел из сакли. Загремели засовы, заржали кони, зазвенело оружие. Серго сел в седло и отдал приказ выступать.

Мы остались охранять покой ребенка. Когда он проснулся и, хватая беспомощными ручонками воздух, стал звать мать, пришла старая женщина и, взяв его на руки, запела ему песню:

Ветер дует с Эльбруса,
Терек ревет в берегах.
Ночь не укроет труса —
Его одолеет страх!..
Ночь наступила — не бойся,
Буркой мохнатой укройся,
Сон твои очи смежит —
Ты у меня джигит!..
Глазок не открывай,
Спи себе, спи...
Баюшки-бай!..
Гром на вершине Казбека,
Тучи в ущельях темней.
Конь не спасет человека —
Горные реки быстрей!..
Гроза разразилась — не бойся,
В темной пещере укройся.
Путь твой по склонам лежит —
Ты у меня джигит!..
Глазок не открывай,
Спи себе, спи...
Баюшки-бай!..
Туман опустился в отроги,
Больше не видно пути.
Чтобы не сбиться с дороги,
Дальше не надо идти.
Туман опустился — не бойся,
Буркой мохнатой укройся.
Сон твои очи смежит —
Ты у меня джигит!..
Глазок не открывай,
Спи себе, спи...
Баюшки-бай!..

И ребенок заснул спокойно. С той же осторожностью, что и Серго, мы вышли из сакли.

Снова сели в седла и снова погнали наших коней в страхе за своих жен и детей.

Преодолев последний перевал, мы подъехали к своему селению глубокой ночью. Синее небо было озарено заревом пожара — то горел Аддиках.

IV

У горцев есть обычай: память умершего почитать посещением тех мест, где он бывал; поговорить о нем с теми, кто знал его, коснуться тех предметов, каких касался он.

В год тяжелой утраты, в год, когда не стало Серго, я, следуя этому древнему обычаю, второй раз покинул родное селение и пошел тем путем, каким вел нас когда-то Серго.

Снега сходили с гор, ветер гудел в ущельях, обвалы засыпали дороги, — путь ранней весной в горах труден. Но я привычен к ходьбе и неприхотлив и потому легко преодолел все трудности.

И вот я опять на мертвой земле Эрокко. Внизу мечет свою желтую пену Лескен — маленькая горная речушка. Но я не узнаю знакомых мест. Голая спокон веков земля всюду имеет следы заботы и ухода за ней человека. Как это случилось? Ведь Эрокко — «Курган несчастья» — никогда не был под посевами! Эта земля считалась проклятой, и тот человек, который захотел бы заставить ее родить просо и кукурузу, впал бы в бедность и хлебнул бы горя. Даже у дерзкого князя Атажукина не хватило решимости послать на Эрокко своих рабов, чтобы запахать эти земли. Народное поверье вселило страх даже в него, самого сильного и жестокого из кабардинских князей.«Курган несчастья» пустовал века, и люди приходили сюда, чтобы произнести здесь заклинания. Весною, боясь немилости Тха, на Эрокко поднимались девушки и пели песню-мольбу. Они благодарили Тха за чудо произрастания зелени на желтом песчанике и просили дождя:

Убивающий град на нас не посылай,
О могучий Тха!
Жгучий мороз на нас не посылай,
О могучий Тха!..

Взойдя на гребень Эрокко, я вспомнил этот давно ушедший обычай. Оглядевшись по сторонам, я убедился в том, что люди пренебрегли народным поверьем. Вокруг тянулись возделанные земли и молодые сады. На самой вершине лежал большой намогильный камень. Я подошел к нему и прочел надпись: «Не клинок и пуля врага уложили нас, а убивающий град и лютый мороз. Проклятье тебе, Тха!». Я подумал: «Как сильны были те люди, что самому Тха посылали свои проклятья!»

Я сел у подножья камня. Посмотрел на запавшие могилы и вспомнил боевых товарищей, с которыми мне довелось совершить поход.

— Друзья, — обратился я к ним, — исполняя обычай, сообщаю: Серго лежит так же, как и вы... Я не могу поехать к его могиле, чтобы выразить у подножья ее камня свою скорбь, и потому пришел к вам, его друзьям.

Я долго сидел возле могилы. Воспоминания не позволяли мне их оставить. Мне было здесь и печально, и радостно.

Чей-то голос заставил меня встрепенуться. Я поднял голову. Передо мной стояла женщина. Я сразу узнал ее. Это была та самая старая женщина, чей дом разорили враги. Она, так же, как и я, в день смерти Серго пришла к его друзьям. Я понял это по тому, как она смотрела на запавшие за зиму могилы.

Старая женщина сказала:

— Побывай на безымянном хуторе, там много узнаешь о Серго, узнаешь, как память народа чтит его доброе имя.

— Туда и лежит мой путь, — ответил я.

V

Все зеленее становились склоны гор. Похоже — мой путь шел от весны к лету.

Я узнавал дорогу и селения по детскому крику и смеху, что доносились из-за холмов. Дети предвещали жизнь, отдых и радость.

У ворот первого, лежащего на моем пути, селения меня встретили старики.

— Мы узнали, — сказали они мне, — что ты идешь к нам, и вышли к тебе навстречу.

— Я был у вас много лет назад, и здесь все было разорено. Когда построили вы эти стены и сакли? — спросил я, удивленный увиденным.

— Идем, мы тебе все расскажем, — ответил один из стариков по имени Махамат и, взяв меня под руку, повел к большой сакле. — Теперь мало что напоминает о прошлом, разве что та вон, стоящая при дороге, сухая чинара, да и она дала ростки и скоро ее ветви опять покроются листвою.

— Двадцать лет на ней не набухала ни одна почка, и только в этом году появились первые ростки, — сказал мне другой старик. — Не знаешь, чему бы это приписать?

— Я думаю, тому, — ответил Махамат, — что этой весной мы похоронили под ней нашего старого партизана Эльмурзу, соратника Серго.

— Верно, что так! — согласился другой старик.

— После ухода врагов, — вспомнил Махамат, — мертво и глухо стало вокруг. Черные груды камня высились всюду, гарью тянуло из-под развалин. Все было разрушено и обращено в пепел. Когда пришел Серго, он созвал оставшихся в живых мужчин и женщин и объявил им: «Не теряйте мужества и силы. Недалеко то время, когда вы вернетесь под свой кров». «Наши жилища разрушены — мы не можем вернуться в них», — сказали мужчины. «Если вы не можете вернуться — вступайте в мой отряд», — объявил им Серго. Мужчины так и сделали: они вместе с Серго преследовали врага. Уничтожив его, они вернулись и нашли свой аул на том месте, где он стоял, со всеми домами и дворами, лучшими, чем они были раньше. Пока хуторяне сражались, жители ближайших аулов восстановили все, что было разрушено. Русские, осетины, кабардинцы возили лес, носили и тесали камень, месили глину — делали все, что должны были делать каменщики и строители.

Все тяжелое ушло в прошлое — я видел теперь но-

вую жизнь. По селению двигались отары овец, шли пастухи, поднимались женщины с тяжелыми, наполненными студеной водой, кувшинами. Селение жило большой и спокойной жизнью.

Обратившись к старикам, я спросил:

— Мне хочется увидеть того ребенка — теперь уже юношу — что вез с собою Серго. Не знает ли кто, где он?

— Того ребенка, что вез Серго, я держал на своих руках, — ответил Махамат. — Говорят, он теперь учится в Москве.

— А мне приходилось видеть его на безымянном хуторе, там, где оставил его Серго, — сказал другой старик. — Это крепкий и сильный юноша! Иди туда, там ты найдешь его.

И я пошел. Старики вышли к воротам селения, чтобы пожелать мне доброго пути. Я поблагодарил их и направился кратчайшей дорогой к безымянному хутору.

Холм, на котором он стоял, теперь имел уже не тот вид. «Но то было зимой, а теперь весна, — подумал я, поднимаясь обходной тропою. — Что только не изменилось за это время?»

Я постучал в дверь крайнего дома, что ближе к дороге. Этим я оберегал себя от упрека со стороны жителей: не делать выбора между ними. Дверь открылась, и на пороге показался глубокий старик, с темным, словно потускневшим от времени, лицом. Я спросил его: не известно ли ему, что стало с ребенком, которого оставил здесь Серго?

— А как же! — ответил мне старик. — Тот ребенок, что был оставлен Серго, стал моим сыном. В моей конюшне под сторожевой башней стоит конь, спина которого была ему колыбелью. Идем, я покажу тебе его коня.

Мы спустились в конюшню, и старик, широко растворив дверь, подвел меня к стойлу. На свежей кукурузной подстилке, склонив худую морду к яслям, стоял старый конь золотистой масти. Бока у него ввалились, брюхо отвисло, ноги были костлявы, а кожа вся смялась в морщинах. Старик, нежно погладив коня, сказал:

— Вот друг и товарищ моего сына.

Зачерпнув полные пригоршни овса, я поднес их коню. Конь, кося янтарным глазом, осторожно взял шершавыми губами корм из моих рук.

— Я ухаживаю за конем и берегу его, — сказал старик, — помня, что сын мой обязан ему жизнью.

— А где же твой сын? — спросил я.

— Идем к очагу, там я расскажу тебе о нем.

По крутым ступеням мы поднялись в саклю. Старик жил один. Черный от копоти очаг, большой котел, подвешенный на медной цепи, два низких стула и постель, покрытая овчиной, — вот все убранство комнаты. В очаге тлели угли, в котле варилось мясо. Старик протянул мне ложку и показал на котел.

После того, как была съедена баранина и кости выброшены через окно собакам, старик приступил к рассказу:

— Мой сын у берегов самого большого на земле моря. Как дед мой, и как отец, и как я сам, стоя у этого окна, охраняли свои жилища, так и он, сын мой, стоя на утесе, охраняет нашу землю. Я знаю, как достойно несет он свою службу, и это — лучшая для меня награда.

Беседа тянется долго, до тех пор, пока в очаге не гаснет последний уголек. Тогда старик, уступив мне свою постель, укладывает меня спать. Но сон не смежит мне глаза — мы продолжаем беседу.

Так, в беседе, проходит ночь.

VI

В полдень я оставляю гостеприимный дом и стучусь в соседний. С порога мне кланяется седая женщина:

— Входи, мой дом открыт для тебя.

И я вхожу в спокойную прохладу комнаты. За мной входит и женщина.

— Почему ты встречаешь гостя? Разве в доме нет мужчины? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает мне женщина, — я одна... Сын, которого Серго на своих руках в зимнюю стужу привез ко мне, теперь далеко...

— Разве тот ребенок, что вез Серго, твой сын?

— Он стал моим сыном, — отвечает женщина. — Я воспитала его, он возмужал и теперь, вместе с такими же, как он, летает на самолете. Иди сюда, я покажу тебе его комнату, стол, за которым он учился, вещи, которые он сам сделал. Как часто он пытал меня тревожными вопросами: кем ему стать, чтобы принести больше пользы Родине?

— Действуй по велению своего сердца и ты найдешь свой путь, — отвечала я ему тогда.

— И сын мой так и поступил: он ушел из дома, чтобы обрести знания и силу, чтобы научиться наукам, какие нужны нашему времени — он стал летчиком.

Следуя старому горскому обычаю, по которому мужчине нельзя долго оставаться в доме одинокой женщины, я покинул его.

Не переступая порога соседнего дома, я спросил высокого мужчину: не знает ли он, где тот ребенок, которого Серго оставил у них на хуторе?

И опять последовал ответ:

— Тот ребенок — мой сын. Он был далеко и вернулся недавно. Руки у него были в рубцах, а лицо потемнело от ветра и солнца. Усталый, как воин после жестокой битвы, он радовался одержанной им победе. «Почему у него изранены руки? — спрашивали меня односельчане. — Разве твой сын был в сражении?» «Нет, он не был воином. Он простой каменщик, строитель дорог», — отвечал я. Если ты хочешь увидеть моего сына, выйди на дорогу, что идет к нашему хутору — он строит ее для нас.

Я направился к воротам селения. По дороге заглянул в одиноко стоящую саклю, окруженную садами. Все тот же вопрос был на моих устах, с которым я обратился к первому встречному.

— Ребенок, которого у нас назвали сыном Серго, возмужал и теперь стал садовником. Он жил у меня, и я считал его, так же как и Серго, своим сыном. Скажи: почему ты спрашиваешь о нем? Не твой ли он сын?

— Да, он мой сын, — ответил я, — так же, как и твой, и Серго.

— Верно ты говоришь... У хорошего сына мать — Родина, отец — народ!

VII

Я вышел за ворота селения. По дороге набрел на старое жилище каменотеса, которого, как мне показалось, давно никто не посещал.

— Где тот ребенок, что оставил Серго?

И последовал тот же неизменный ответ:

— Тот ребенок — мой сын.

Приглашенный войти в жилище, я вошел. Сыростью и холодом пахнуло на меня. Глаза мои в темноте ничего не могли увидеть. Хозяин подвел меня к портрету юноши, который висел на стене.

— Вот он. Ты узнаешь?

— Как же мне узнать? Ведь я видел его только маленьким ребенком.

— А все узнают в нем сына Серго, — возразил мне каменщик. — Вглядись и ты.

Я вгляделся: и в самом деле, лицо мне показалось знакомым.

— Мне кажется, я его знаю...

— Конечно, ты знаешь его!

Оставив жилище каменщика, я пошел назад по ущельям, в которых гулко звенел мой шаг.

Я обошел Эрокко и приблизился к бурлящей Лескен.

Розовым светом горели дальние вершины. Свежей хвоей пах весенний воздух. Деревья еще не покрылись листвою, их стволы были темного цвета.

Мглистое марево испарений туманной пеленою поднималось над полями. Оттаявшая земля уже готова была принять труд человека.

На холмах и равнинах работали люди. Они выбирали из влажной земли камни, выкорчевывали дикий кустарник и вырывали колючку, — они возрождали «мертвую землю» к жизни.

Невольно жмурясь от солнечного сияния, я смотрел на поля и дорогу. Мне навстречу шли юноши и девушки. Их руки — в черных комьях земли, а лица — разгорячены и счастливы.

— Нет ли среди вас юноши, которого называют сыном Серго? — спросил я.

— Мы перед тобой! — отвечали мне встречные.

— Это правда?

— Да, это правда. Мы все — сыновья Серго!

И, заметив мое удивление, добавили:

— Ты — старый человек. Тебе известен наш обычай: человек, принявший на себя заботу о новорожденном мальчике, считается его отцом. Серго позаботился об одном из нас, и теперь мы все считаем себя его сыновьями.

Горячие слова заставили меня внимательно посмотреть на тех, с кем я встретился. Это были высокие, узкие в бедрах и широкие в плечах юноши с загорелыми лицами. Каждый из них, смотря мне в глаза, улыбался доброй и приветливой улыбкой. Помню, так же открыто улыбался мне Серго. «Да, в самом деле, эти юноши — его сыновья!» — подумал я.

— Ты — гость в наших местах. Идем с нами в наше селение. Мы переселились на «Курган несчастья» и знаем: эта земля не горе, а радость принесет нам. Мы будем здесь трудиться сообща и мертвую землю сделаем живою. На то мы и сыны Серго!

Сделаем эти слова концом рассказа. Но ты помни: это было рассказано моим сердцем. Если захочешь рассказать другим — заставь говорить свое сердце, ибо сердце всегда передает правду.

ИНКАР

I

Этот рассказ о каменотесе Ал-Амине, прозванном Инкаром, что значит несговорчивый, и о памятнике, что установлен на перепутье трех дорог в горах Салатавии.

Каждое утро Инкара видели поднимающимся по

крутой тропе в горы с молотом на плече и с засунутым за пояс стальным долотом. Целый день были слышны равномерные удары его молота: он высекал кому-то, — да будет имя его священным! — надгробие.

Однажды, когда Инкар, весь осыпанный каменной пылью, усталый возвращался домой , его остановил Забаир, самый богатый житель в селении:

— Хотя ты и прослыл за несговорчивого, но все же я хочу обратиться к тебе с просьбой, — сказал он, заступая ему дорогу.

Инкар остановился, опустил молот на землю и удивленно посмотрел на Забаира. «Уж не умер ли у него кто-либо из родственников? — подумал Инкар. — Другого дела у него ко мне не может быть».

Забаир, повернувшись лицом к селению, показал палкой на свою саклю:

— Ты видишь, Инкар, где стоит мой дом?

— Вижу... — ответил Инкар, не зная, о чем будет идти речь.

— Мой дом стоит на самом высоком месте. Весь аул у него в ногах. И потому стук твоего молота мне слышен больше, чем всем. Почему бы тебе не уйти работать дальше в горы, вон за тот хребет?

Инкар покачал головой.

— Целыми днями ты дробишь скалы для памятников, — продолжал Забаир, — мой покой нарушен. Прошу тебя — исполни мою просьбу.

— Если удары моего молота нарушают чей-либо покой — они принесут тому человеку счастье. Их гул напомнит ему о жизни.

— Не о жизни напоминает он, а о смерти! — вскричал Забаир. — Смерти служит твой молот, Инкар!

— Нет, Забаир, — спокойно возразил Инкар, — не смерти служит он, а жизни.

— Лучше высеки для ворот моего дома изображение лани и орла. Ты украсишь не могилу умершего, а жилище живого.

— Ты, Забаир, вначале обратился ко мне с одной просьбой, теперь я слышу вторую. Может быть, у тебя есть еще и третья? Говори.

— Есть... — начал Забаир. — Ты знаешь, что скоро

исполнится сорок дней со дня смерти моего отца. Его могила должна быть отмечена большим памятником. Ты лучший на всю Салатавию арас-устад[1]. Я умею ценить искусную работу, и моей наградой ты останешься доволен. — И, окинув Инкара испытующим взглядом, стал ждать ответа.

Инкар показал рукой на кладбище, что находилось на виду у всего селения, и ответил:

— Видишь это кладбище? Оно устроено на горе затем, чтобы все могли его видеть. Таков наш обычай: устраивать кладбище рядом с многолюдными улицами, большими дорогами, на самых видных местах: живущие постоянно должны помнить о конечности своего жизненного пути и торопиться делать хорошее. Если хотя бы один из сделанных мною памятников толкнет кого-либо на честный поступок, я буду благодарить свою судьбу за ремесло, какое она мне дала. Молот, которым я дробил сотни скал, будет дробить еще и еще, чтобы высекать на них новые напоминания людям об утраченном ими времени, о задуманных, но невыполненных делах, о не совершенных подвигах. Ты думаешь, я служу мертвым? Нет, Забаир, ты ошибаешься — я служу жизни. Ты говоришь: уйди дальше в горы и там работай. Куда я уйду, если самый крепкий камень находится рядом с нашим аулом? Лучшего камня, чем у нас, нет во всей Салатавии. Ты просишь высечь памятник на могилу твоего отца, но какую он оставил по себе славу?

— Он был богат!

— Богатство — не доблесть. Даже мертвому оно не делает славы.

—Разве перед всевышним не все равны: будь то бедный или богатый, герой или самый незаметный человек? — возразил Забаир.

— Не знаю, как перед всевышним, но перед народом не все равны. Ведь надмогильный камень ставится умершим, чтобы сохранить о них память в народе. Зачем же людям нужна память о трусе или изменнике? О скряге или лихоимце?

---

[1] Арас-устад — мастер надмогильных памятников.

Инкар вскинул молот на плечо и собрался уходить.

— О, я вижу, ты неспроста прозван Инкаром! Более несговорчивого человека нет во всей Салатавии!

В народе стало известно, какими словами Инкар ответил Забаиру на его предложение. С тех пор поставить памятник на могилу друга или родственника, сделанный Инкаром, люди почитали за честь. Но не всем давал свое согласие Инкар; прежде чем взяться за работу, он долго и подробно расспрашивал об умершем: кем он был, какую славу оставил по себе. Случалось и так: узнав, что умерший был плохим человеком, отказывался высекать памятник, возбуждая против себя ненависть и злобу. Но никто не смел обидеть Инкара. Слишком много у него было преданных ему друзей. Высеченные им памятники возвышались над могилами бедных, но справедливых и честных людей, споря своей высотою, орнаментом и стихами с памятниками богатых. Хотя надгробия ханов и шейхов и хранили на себе изречения великих арабских ученых и газели шаира Абу-Новаса, сравнивать их с простыми и понятными стихами Инкара было нельзя: у Абу-Новаса не всегда находились те слова, какие нужны для возвеличения достоинств умершего, или для обращения умершего к живущим...

Изречения и стихи Инкара ценились столь же высоко, как и надгробия, им высеченные. Резец Инкара давал жизнь камню: он хранил завет отца сыновьям, печаль матери о своих детях, славу погибшего героя.

Надмогильные камни Инкара разбросаны по всей Салатавии. Но их нужно искать не на кладбище, а у источников, на перевалах и у перепутья дорог. Потому, что, как пел Инкар:

Прославленный герой
На кладбище не лежит,
И надгробия храбрецам
Ставят на краю дорог.

II

Наступил год, когда молот Инкара стучал с самого утра до поздней ночи. Высеченные в этот год памят-

ники отличались необыкновенной красотою. Слова на них были огненные, как на знаменах. С именем «Ленин» шли люди в этот год на борьбу, с именем «Ленин» умирали и с именем «Ленин» побеждали.

Имена достойных, погибших в жестокой и неравной борьбе, остались жить на камнях и в памяти народов. Им отданы лучшие веления сердца и слова. «Боевые мечи находят покой в ножнах, герои — в могилах»; «Друг и товарищ наш, мы в долгу у тебя», — говорили камни, поставленные на могилах погибших.

Народ, совершая свой суд, предал забвению ненавистные ему имена, сравняв могилы своих врагов с землею и ничем не отмечая места их погребения. Он вырвал имена врагов из своей памяти, как плевелы — с корнем.

Трижды, год от года ярче, покрывались цветами долины и склоны Салатавских гор. Три раза, год от года обильнее, были собраны урожаи на полях. Три полных до краев года жизни, жизни, о которой могли лишь мечтать люди... Казалось, ничто не может омрачить счастье народа, — так много было радости, так много надежд возродилось в тех, кто не смел мечтать...

Но зима оказалась суровой: бушевали метели, снега были глубокими, обвалы в горах частыми, — по приметам старых людей такая зима сулит горе. Так оно и случилось. В Салатавию пришла весть: человек, с именем которого горцы поднялись на борьбу против ханов, с именем которого связано счастье народа, умер. Умер Ленин! Горе замкнуло уста людей, слезами наполнило их глаза, сердца — несказанной печалью.

За долгую жизнь Инкару немало пришлось слышать тяжелых известий, но эта весть была самой печальной из всех. Чтобы заглушить боль в своем сердце, он взял давно забытый им молот и пошел в горы. Вот уже год, как Инкар не поднимался по горным тропам, год, как не осекал каменных глыб: время взяло свое — глаза потеряли зоркость, руки — силу. Когда он поднялся на вершину горы, огляделся вокруг, он увидел голубое сияние снегов и — удивился: ему казалось, с печалью, какая постигла мир, должно было все померкнуть. Вошел в пещеру, образовавшуюся от вы-

рубленных в этом месте обломков скал, и, размахнувшись, нанес первый удар. Скала, дрогнув, дала трещину. Оглушенный гулом ударов, ослепленный летящими из-под молота искрами, Инкар терзал каменное тело горы. Искры обжигали лицо и руки, падали на одежду, на землю, вся пещера была озарена ими, как горящая печь.

Когда в селении заслышали удары молота, все встрепенулись: Инкар звал к жизни, к труду. Те, кто в горе оставили свои дела, вернулись к ним. Смерть побеждается жизнью, печаль — радостью. А для человека нет ничего почетнее его труда, его любви к народу, к своей земле.

Об этом стучал молот Инкара.

Скоро на виду у всего селения, среди площади, возник высокий памятник из белого камня, самый красивый из всех, какие когда-либо были высечены Инкаром. Впервые за долгие годы его трудовой жизни им было высечено изображение человека в нарушение завета ислама — не изображать себе подобных.

— Теперь мой молот может обрести покой, — сказал Инкар своим друзьям. — Я не хотел дожить до часа, когда мне пришлось бы высекать памятник самому великому человеку на земле. Но, видно, судьба предрешила другое, и мой молот сделал самое большое из всего, что ему доводилось делать... Камни говорят, когда к ним прикасается душа человека. Если этот белый камень, оживленный моим молотом, заставляет людей видеть больше, чем в нем заложено природой, значит, я дал ему вторую жизнь, еще более прекрасную, чем могла дать ему сама природа... Я сделал все, что мог... Я спокоен!

Инкар говорил правду. Нужно было раздробить каменные горы, обтесать и украсить орнаментом тысячи памятников, чтобы так искусно и вдохновенно сделать последний, самый величественный из них.

Памятник этот — символ утверждения жизни: он постоянно напоминал всем живущим в селении о стойкости и силе человеческого духа и веры в разум.

Вдаль, через перевалы и долины, туда, где синела бирюзовая полоса моря, и дальше — за море, за леса,

за степи направлен зоркий взгляд прищуренных глаз... И часто, подчиненные этому взгляду, люди смотрели туда же — на север, зная, что с той стороны к нам всегда приходила помощь, победа, счастье...

III.

Тринадцать лет рука Инкара не прикасалась к молоту. Лишь былая слава озаряла его теперешнюю жизнь. Ничто, казалось, не заставит старого каменотеса взять в руки свой молот. Но случилось так, что Инкар снова взялся за ту работу, с которой враждовала его старость.

И вот как это произошло.

После суровой зимы подошла середина февраля, предвещающая первую талую воду на южных склонах Салатавских гор. Весна только еще стояла у ворот в страну, когда в саклю Инкара пришли его одноаульчане.

— Где твой молот, Инкар? — спросили они.

— Там же, где был всегда! — ответил Инкар, показывая на порог, где постоянно лежал и никогда не убирался молот. Он лежал там и сейчас, как в дни молодости его хозяина. Так было им заведено с тех пор, как он стал каменотесом. Стоило переступить порог — и верный помощник был в руках.

— Пришло время, Инкар, — продолжали вошедшие, — обратиться тебе к своему другу. Мы думаем, он не изменит тебе.

— Садитесь и скажите, для кого должен я снова взяться за мой молот? — спросил Инкар удивленно. — Разве он не заслужил покоя, так же, как и я? Мои руки затвердели от старости, а взор померк. Раньше, когда за порогом моего дома слышался голос: не здесь ли живет каменотес Инкар? — вздрагивало мое сердце. Оно знало: входящий — это новый вестник смерти. Но вот уже тринадцать лет никто не спрашивает: это ли жилище каменотеса? Ко мне приходят лишь те, с кем я делю свой досуг, теперь слишком обременительный для меня одного. Вы пришли ко мне с вопросом о моем молоте, и вздрогнуло мое сердце. Значит, в мой дом

снова пришла печальная весть о смерти! Кто же этот человек, ради которого вы нарушили мой покой?

— Это ученик того, кому ты установил последний свой памятник.

Инкар изменился в лице:

— Скажите его имя.

— Его имя — Серго.

— О, это наш орел, сын наших гор, отец бедняков! — воскликнул Инкар и взор его стал другим, а сам он выпрямился. — Серго!.. Наш Серго!..

— Ответь нам, Инкар, где, как не в горах Кавказа, должен стоять памятник ему? Кто, как не ты, должен высечь его? Разве ты, Инкар, уступишь эту честь другому? Разве в твоих руках не найдется для этого сила? Разве взор твой не обострится во сто крат, когда твой молот начнет наносить удары? Мы верим в тебя, Инкар!

— Спасибо, друзья мои! Ваша вера придает мне силы, а моя любовь к этому человеку поможет сделать все, даже если бы мне пришлось рассечь надвое Кавказский хребет!

И голос Инкара окреп, и рука сильно, как когда-то, сжала лежащее подле долото. Вошедшие увидели прежнего Инкара, могучего и большого, такого, каким они видели его много лет назад.

— Судьба и жизнь человека — будь он большой, будь самый малый — воплощается в камне. Кто из вас может рассказать о Серго так, чтобы высеченный мною памятник был достоин его славы? Вам известно, что я не берусь за молот до тех пор, пока не узнаю всей жизни умершего?

— Да, нам это известно. Мы все—свидетели его жизни. Каждый может рассказать тебе о нем. Его дела памятны старикам и молодежи. Самый старый среди нас — Эльдар, а самый молодой — Алхил. Им и будет принадлежать слово, — ответили вошедшие.

Инкар посмотрел на Эльдара. Его лицо, обожженное горным солнцем, было темным; седые брови нависли над переносьем, горбатый нос походил на клюв хищной птицы. Горец был огромен и могуч, как древний нарт. Только таким, как он, не страшны горные

перевалы, туманы, снега, бураны, бессонные ночи и длинные дороги.

На поясе Эльдара висел большой казанищенский кинжал, прямой и широкий, как лопата. Теперь в горах редко встретишь горца, опоясанного кинжалом. Они остались только у чабанов: им без кинжала, что без рук. Эльдар был чабаном всю жизнь и всю жизнь не расставался с кинжалом, перешедшим к нему от отца. Не раз кинжал спасал ему жизнь. Он сдружился с ним.

Сейчас, положив свои тяжелые, темные руки на его ножны, Эльдар повел спокойный и торжественный рассказ о прошлом:

— Что жизнь положила в наш котел? — начал он с вопроса, как горцы любят начинать свои повествования. — Обглоданные кости да голые кукурузные початки и вдоволь родниковой воды! Тысячи овец водили мы по горам, а мясо ели другие... Кто утвердил такой закон? Почему у одного было сто тысяч овец, а у другого одна, да и та хромая? Одному принадлежали все горы, а другому не было места даже на кладбище?.. Э, мне ли говорить вам об этом! Кто из вас не хлебнул похлебки из чабаньего котла? У нас много старых счетов с прошлым. Нет-нет да и приходится их сводить. Что поделаешь? Обида наша велика, и не скоро о ней забудешь... Когда приехал к нам Серго, я спустился с Курушских пастбищ, чтобы в Темир-Хан-Шуре увидеть его. Я хотел спросить его: как будем жить дальше?

«Все свои обиды надо вспомнить, все болезни, все беспокойные ночи, — сказал мне Серго. — Вспомнить, как голодал дед, как плакала мать. Все вспомнить! Сейчас бедняку очень нужна память».

Я ответил:

«Богачи копили рубли, а мы — обиды. Не подошло ли время для расчетов?»

«Твоя правда, Эльдар! Время это подошло. Завтра в Левашах мы порешим, как надо поступить».

— Вез я Серго чабаний наш подарок — андийскую бурку. Развернул я ее и сказал: «Ты, Серго, горец, ты знаешь цену бурке! И еще знаешь: та бурка хранит тепло и уберегает от вражеской пули, что сделана родными руками. Нет бурки лучше той, что мать сделала

для сына. Эта бурка работы моей матери. Возьми ее себе».

Серго, приняв от меня подарок, горячо поблагодарил за память.

Рано утром мы оставили Темир-Хан-Шуру. Серго ехал на вороном кабардинце. Конь был добрый, он рвался вперед, чувствуя на себе хорошего седока. Я ехал рядом. Из долин, из ущелий, с гор стекались горцы. Все спешили в Леваши.

Проехали Верхний Дженгутай и, минуя Дургали, поднялись к Волчьим воротам.

Неведомо где возникла песня: не то в долинах, не то на гребнях гор, у самых снегов. Но песня звенела, как звенят капли воды, падая с карнизов скал. Это была боевая песня хунзахских партизан:

Удалой Умахан
 крикнул клич по горам:
— Всех сюда партизан,
 всех ко мне партизан!
Разнеслось по горам,
 по долинам, хребтам...
— К нам! — зовет Умахан.
 — К нам! — зовет Умахан.
И поднялся Хунзах,
 отозвался Ахвах.
И летят на конях,
 на лихих скакунах
Партизаны в горах.

Песня, подхваченная сотнями голосов, росла и росла. Она прокатилась по отрогам гор в долины и зазвенела в ущельях.

Громкий цокот стоит
 звонких конских копыт,
Партизаны летят,
 партизаны спешат...

И, словно эхо, ей откликнулись голоса едущих за Серго людей:

Гей, веселый джигит,
 удалой Умахан,
Принимай партизан!..

Серго, не зная слов, подпевал песне, покачиваясь

в седле. Он ехал впереди, как предводитель отряда. Никто не смел обойти его коня.

В Леваши мы въезжали в полдень.

Народ был всюду: и на Левашинской горе, и на кровлях домов, и на дороге, и на площади.

Серго оставил седло и, не заходя в саклю, открыл «Муслим меджлис» — собрание бедняков, как он назвал этот съезд. Сбросив на землю бурку, Серго громким голосом начал речь. Он передал привет от Ленина.

«Яшасын Ленин!» — отвечали ему горцы.

«Дагестан — ворота Кавказа, — говорил Серго. — К ним нужен хороший замок, а не то «белые собаки» доберутся до «черного золота», и тогда клад, каким владеет народ, попадет им в лапы. Чем согреть тогда холодные жилища людей и оживить машины фабрик, скованные спячкой?.. Самозванный имам Гоцинский стремится вернуть свою власть и богатства. Зовя к себе на помощь англичан и турок, он рассчитывает одарить их тем, что создано вашими руками. Но этому не бывать! Скорее сомкнутся горы, чем горский народ изменит заветам Ленина!»

Глаза Серго сверкали. Кудри черных волос разметались во все стороны. Он стоял посреди площади, перед домом Ревкома. Каждое его слово эхом отзывалось в горах.

«Мы выполним зовет Ленина — прогоним Гоцинского!» — отвечали Серго горцы.

«Если нам соединиться вместе, в какую силу мы тогда обратимся? Кто посмеет сокрушить нас?»

Серго поднял лежавшую у него в ногах бурку.

«Из маленьких, легких и слабых шерстинок свалена вот эта бурка. Достаточно дуновения ребенка, и любая из шерстинок поднимется на воздух и улетит. А теперь посмотрите, какой крепостью обладают эти шерстинки, соединенные вместе. Попробуйте разъединить их!.. Так и народ: если он вместе — он несокрушим, а если каждый сам по себе — он погибнет».

И тут Серго вспомнил обо мне:

«Вчера ко мне пришел Эльдар-Магома и спросил: как быть с барантой Гоцинского, с его пастбищами и садами? Все пастбища, угодья и сады принадлежат

народу. Не Гоцинский, а народ полный их хозяин. Все, что родит земля, должно быть общим. И отары овец, и стада коров, и табуны коней. Пусть отара, что Эльдар-Магома увел в Куруш, вернется в Чох и пусть чохцы владеют ею. Все, что принадлежало богачам, теперь принадлежит бедным. Им все богатства страны!»

Так и было решено на «Муслим-меджлисе».

Серго приехал в Дагестан, и изменилась наша жизнь. Горцы помнят его приезд. Но время идет. Память народа переходит в предания, в песню и в камень, оживленный рукою арас-устада. Подошло время камню закрепить в себе славу о Серго и любовь к нему нашего народа. Кто, как не ты, Инкар, должен высечь памятник Серго?

— Ты знаешь, Эльдар, — отвечал Инкар, — я не только должен высечь памятник, но еще и резьбою украсить его. Какие бы ты, Эльдар, хотел прочесть на нем слова? Что должен сказать такой человек, как Серго, уходя из жизни?

— Слова, которым я следовал всю жизнь, находятся на клинке моего кинжала... — Эльдар медленно вытянул из тугих ножен синее, в радужных отливах лезвие и прочел арабскую надпись: «Сталь ржавеет и стирается, память народа крепнет и умножается».

— О нет, Эльдар! Ты знаешь: я никогда не повторяю однажды сказанного. Что вырезано на стали, не надо переносить на камень.

— Пусть будет по-твоему, Инкар, — согласился Эльдар.

* *
*

Теперь взоры всех присутствующих обратились к Алхилу — слово было за ним.

— Кто из вас не знает темного и сырого Харти-Кунинского ущелья? — начал Алхил. — Не от тебя ли, Эльдар, я слышал про то, как Шамиль пытался загородить его запрудой, желая остановить течение Кара-Койсу и уйти от преследования царских войск? Но плотину смыла вода, и генерал Барятинский прошел в Гуниб, где Шамиль, окруженный царскими войсками,

был взят в плен. И тогда Шамиль проклял Харти-Кунинское ущелье.

— Вся Авария помнит об этом, — подтвердил Эльдар. — Все случилось, как ты говоришь.

— Советских инженеров не испугало проклятье Шамиля, — продолжал Алхил, — они построили в Харти-Кунинском ущелье большую плотину и Гергебильскую ГЭС. Аварцы называют ее «Солнцем Ленина», кумыки — «Солнцем Дагестана». А те, кто строил станцию—«Подарком Серго». Гергебиль и Днепрогэс—побратимы. Днепрогэс через степи и горы протянул руку помощи. С Украины в Дагестан шли материалы и машины. Серго заботился о нас. Это он, привезший в горы слова Ленина, посылал нам бетон и металл. Это его заботой горят ленинские огни в саклях и движутся машины на заводах. Я сам буравил скалы, месил бетон, укладывал его в тело плотины. Сам ездил на Днепрогэс учиться работать монтажником. А когда Серго в третий раз! приехал в Дагестан, я сам слышал, как он сказал: «В темные горы Дагестана с равнин России придет свет». И он пришел. Свет Ленина озаряет наши горы!

Звонко звучавший голос Алхила оборвался. «Свет Ленина озаряет наши горы!» — раздался в такой тишине, будто все слушающие его на время затаили дыхание.

Алхил показал на электрическую лампочку под потолком, висящую между двумя большими поперечными балками из темного дуба. Яркий свет лампочки спорил с огнем в очаге, где в тесном его зеве полыхали куски кизяка. Сдвоенные тени причудливо отражались на почерневших стенах, то уменьшаясь, то увеличиваясь.

— Да, юноша, все, что ты сказал — правда! — отозвался Инкар. — Мы знали один свет — чирах, налитый маслом, с плавающим в нем фитилем из свалянной шерсти. А теперь... — Инкар поднял лицо и, щуря глаза от яркого электрического света, добавил: — В этой лампочке сто пятьдесят свечей. Значит, сто пятьдесят чирахов горят в моей сакле, ровно столько, сколько горело во всем нашем селении. О юноша, это

поистине свет Ленина! И принес его к нам Серго. Скажи, юноша, какие слова ты хотел бы прочесть на поставленном ему памятнике?

— Я не поэт и не арас-устад, — ответил Алхил, — я всего только строитель. Мне ли, молодому, спорить с таким искусным мастером, как ты, Инкар? Ты будешь строить памятник и твоя должна быть на нем надпись.

— Пусть будет по-твоему, юноша! — Инкар положил на плечо Алхила свою тяжелую, широкую ладонь.

— По той палке, какая у тебя в руках, я вижу — ты любишь украшать свои вещи резьбою.

При этих словах все, словно впервые, заметили, что загнутый конец алхиловской палки, поставленной между ног, увенчан резьбою — головой ягненка. Завитки густой и нежной шерсти были так малы и тонки, что казалось они выточены не из дерева, а из серебра.

— Если палка твоей работы, то из тебя выйдет неплохой арас-устад.

— Моей, — ответил Алхил.

— Тогда ты будешь моим помощником.

IV

И Алхил стал каменотесом. Он работал вместе с Инкаром в его пещере. Падающие под двумя молотками камни усиливали гул — он был слышен далеко за селением.

— Слышите, — говорили в долинах люди, — Инкар опять зовет к жизни: опять стучит его молот.

Гул, подобный горному эху, катился по ущельям, усиливаясь со дня на день.

Инкар любил осекать камни весною, когда в горах шумят горные потоки. Он часто, оглушенный гулом собственных ударов о скалу, оставлял свой молот и выходил из пещеры. Опустив натруженные руки и стараясь распрямиться, он долго простаивал у входа в нее, прислушиваясь. Сначала его слух ничего не улавливал, — уши, как бы наполненные водою, ничего не воспринимали, и ему казалось — в горах стоит немая тишина. И только постепенно он мог различить то грохот обвала, то шум реки, то крики людей в долинах. Инкар любил слушать весну в горах...

Он думал о вечном и неизменном пробуждении природы и о смерти человека, которому он, каменотес, должен продлить жизнь в памяти людей. «Почему, — спрашивал он себя, — смерть к человеку чаще всего приходит весной?.. Так она пришла и к Серго...»

Южные склоны Салатавских гор только еще обнажались. Снег скапливался на дне пропастей и в междугорьях. И первая талая вода искала себе пути. Но вот она покатилась по ложбинам, смывая камни, выворачивая деревья и руша плотины. Началась весна. И памятник Серго был окончен.

За отлогой горою Тлури собрались все жители селения решить, где же его поставить? При дороге ли, как герою, павшему в битве? У ворот ли селения, как самому почетному жителю? На последнем ли из перевалов, как человеку, застигнутому смертью в пути? Все знали: памятник Серго должен возвышаться на таком месте, где чаще всего его могли бы видеть люди.

Инкар, за которым было последнее слово, сказал:

— Я хотел бы вместе с вами выбрать ему место. Я знаю, где его нужно поставить. Идемте, я укажу его вам! — И первым пошел в сторону кладбища.

Все в безмолвии последовали за Инкаром. «Почему он ведет нас на кладбище? Разве герою место на погосте?» — подумал каждый. Но Инкар миновал кладбище, он направился к дороге, которую когда-то начали строить жители его аула, но, поссорившись с соседним, бросили. К этому месту он и привел односельчан.

— Здесь должны сойтись три дороги, — Инкар показал на север, восток и юг. — Вот на этом перекрестке мы и поставим памятник Серго. Лучшего места нам не найти.

— Мы согласны! — последовал дружный ответ.

В тот же день восьмерка коней втянула ремнями памятник на вершину холма.

Люди трех соседних аулов тогда же закончили постройку дороги, назвав ее «Дорогой дружбы».

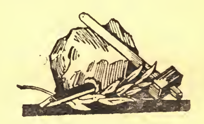
И вот стоит вознесенный руками народа памятник Серго среди Салатавских гор. Снежные вершины служат фоном для него, а подножьем — скала, неприступ-

ная, твердая и вечная, как сами горы вокруг. На нем высечены простые слова: «Мы будем такими же, как ты, Серго!»

О путник! Останови своего коня на этом перекрестке, где с трех сторон сходятся дороги, где встречный ветер разовьет гриву коня и холод обожжет твои руки и лицо твое. Оставь седло, подойди к памятнику и в молчании постой минуту у его подножья, глядя в лицо тому, кто сражался за счастье этих гор. Эта минута вернет тебя к прошлому, но ты не бойся — вернись, и тогда тот перевал, на который ты сейчас поднялся, откроет перед тобою невиданные вокруг дали. Ты увидишь многое из того, что раньше не всегда замечал. И ты поймешь: этот перевал и есть перевал твоей жизни, твоей страны.

Тебе захочется оглянуться на пройденный путь. Оглянись! Тебе захочется посмотреть вперед. Посмотри! Тебе захочется обозреть дали. Обозревай! Дыши полной грудью сладким горным воздухом.

Позади, в голубой дымке, ты увидишь новые города, заводы, фабрики, бескрайние степи и табуны коней, сочные пастбища с тысячами овец. Впереди — альпийские луга, сверкающие водопады, густые леса, ожидающие твоего прихода и берегущие для тебя свои богатства. Минута молчания здесь, у каменного памятника, вселит в тебя успокоение за прошлое, окрылит надеждой на будущее и даст силы для настоящего — силы трудиться, бороться и радоваться каждому шагу вперед.

ИСТОЧНИК БОГАТЫРЕЙ

I

Давным-давно, может быть, так давно это было, что на земле ничто не осталось неизменившимся: горы потеряли свои очертания, — большие превратились в малые, малые сравнялись с долинами; реки изменили свое направление, — одни русла высохли, другие наполнились водою; леса, те, что были, выгнили, на их месте выросли новые, — так давно это было, что одна лишь народная память хранит воспоминание об этом...

И вот, насколько у народа хватает памяти, он помнит: над той долиной, что лежит за пятью горами, возвышался холм, а над холмом каменное кольцо, которому народ дал название «Кольцо-гора». В народе было поверье, что в каменном кольце заключена его судьба и счастье: до тех пор, пока кольцо не разомкнулось, для жителей пяти гор ничто не страшно: ни полчища чужеземных войск, ни болезни, ни неурожаи, ни падеж скота; если только кольцо цело — все беды минуют.

В дни великих событий, когда желтая лихорадка, занесенная пришельцами с Востока, собирала свою мертвую жатву, в эти дни весь народ — и мужчины и женщины—чтобы избавиться и предостеречься от охвативших страну бедствий, всходил на холм и проходил через «Кольцо-гору», — тогда не только болезни не могли тронуть людей но и сами джины, злые и коварные духи, живущие в горах.

И еще народ помнил, что неподалеку от той долины, где стоит «Кольцо-гора», издревле находился студеный источник, возвращающий людям, птицам, зверям и растениям угасшие силы.

Гордость народа — в созданных им памятниках. Гордость лезгин Дербент — Железные ворота, с древней Джума-мечетью, построенной и украшенной шейхом Абу-Муслимом, арабским завоевателем; аварцев — могила Кази-Магомеда, друга и наставника Шамиля; Анапы — пятиугольный дворец, воздвигнутый великим Искандером и названный народом за свое величие и красоту «Кавернай-Анапа». Говорят, что когда Аксак-Темир — Железная нога, разрушив семьсот городов Кавказа, подошел к морю, чтобы завершить свой поход, он оставил «Кавернай-Анапу» нетронутым: столь прекрасен был этот, сложенный из мрамора и отделанный яхонтом, изумрудом и бирюзою, дворец.

На земле карачаев нет ни дворца, ни мечети, украшенных драгоценными камнями, ни могилы отшельника и провидца, с древними письменами на камне. Гордость карачаев не в мечети и не в могиле праведника, их холодные камни давно уже не в силах зажечь людские сердца! Гордость карачаев

в студеном источнике, возвращающем людям силы, в «Кольцо-горе», оберегающей народ от бед и несчастий...

В те времена, когда на том месте, где сейчас пять гор, была одна большая гора, на ней жил нарт Араф, имея другом жену, помощником сына, слугою коня. Охота в горах на быстрых туров, поля, засеянные хлебными злаками, сады плодовых деревьев давали ему все, что нужно, — он любил свою землю, леса, поля и реки.

И вот, в то время, когда нарт Араф спокойно мотыжил свое поле вырванным с корнем деревом, до его слуха донесся гул горных обвалов. «Почему дрожит земля и почему падают с вершин гор каменные осколки?» — подумал он, оставляя работу и прислушиваясь. В лесах затрещали деревья, словно какой-то зверь пробирался сквозь лесную чащу, ломая все на своем пути. Нарт Араф свистнул своего тонконогого, золотистой масти коня и спросил его: не видел ли он, кто вторгся в их земли?

— Я знаю, кто вошел в наши леса и горы, — ответил ему конь, — это вошли злые и коварные дэвы.

И, закинув свою длинную, крутую шею, конь повел горячими ноздрями, чуя смрадный запах этих чудищ.

Нарт Араф крикнул жену, приказал ей домотыжить поле и пошел в дом.

— Подай мне остроконечный меч, колчан и лук, — обратился нарт Араф к сыну.

Приняв от сына меч с длинной перевязью, опоясался им; взяв колчан, проверил — не погнулись ли стрелы, не затупились ли наконечники у них; взял лук и натянул на него тетиву — не затвердел ли он, не потеряла ли гибкость тетива. Сын подвел к нему тонконогого коня с разукрашенным резьбою седлом.

— Береги поля и дом, — на прощанье сказал ему нарт Араф, касаясь ногою стремени.

Сын поклонился и широко распахнул ворота. Нарт Араф оставил свой дом, он поехал искать встречи с теми, кто осмелился войти в пределы земель его народа.

— Если ты друг мне, скачи скорее через горы и

реки! — наклоняясь над ухом коня, обратился к нему нарт Араф.

— Я вижу, что на тебе литой панцирь, за спиной — колчан со стрелами, сбоку — меч, а в руке копье величиною с высокое дерево, — отвечал ему конь. — Ты, я вижу, крепко заковал свое тело, но ты забыл заковать свое сердце. Помни: если тоска ранит твое сердце — эта рана будет глубже той, что нанесет меч врага твоему телу.

— Если ты друг мне, скажи: как должен поступить я?

— Ты знаешь, что в зеленой долине стоит «Кольцо-гора». Если ты хочешь удачи, ты должен пройти через это кольцо. Но помни: кольцо не пропустит тебя, если в твоем стремлении победить врага есть хоть капля сомнения. Кольцо не пропустит, если в своих мыслях ты возвращаешься к дому, думаешь о сыне, об оставленных посевах. Твои помыслы должны быть направлены к одному — победить врага. Откажись от всех забот, думай о счастье своей земли, и тогда мы легко и свободно пролетим через каменное кольцо, приносящее счастье.

— Хорошо. Я отказался от всех своих желаний и у меня теперь одно желание: прогнать чужаков-чудищ с моей земли. Быстрый конь мой, неси меня скорее!

— Крепче держись в седле, — сказал тонконогий конь нарту Арафу, — мы скоро будем у «Кольцо-горы» и когда проскочим через него, то никакие джины нас не устрашат.

Крепче сжал нарт Араф бока коня, ниже припал лицом к его холке, глубже затаил дыхание. И девяти раз не ударил конь копытами землю, как показалась «Кольцо-гора».

— Ниже пригнись, — сказал конь, — не зацепись шлемом за кольцо. Зацепишь — жди неудачи.

И влетел со всего бега в кольцо.

«Цан!» — раздался звон шлема.

— Не миновать беды! — воскликнул конь, раздувая горячие ноздри. — Видно, плохо запомнил мой совет.

— Как же быть нам теперь?

— Отложим поход до утренней зари.

Всю ночь не спал нарт Араф, дожидаясь, когда заря покроет позолотой вершины гор.

И вот опал ночной туман. Роса на стеблях трав начала просыхать. Сбросил с себя бурку нарт Араф.

— Будем пытаться вторично! — сказал он, снимая с коня попону и натягивая у седла подпруги.

— Наклонись ниже, мы должны проскочить каменное кольцо! — сказал конь, делая скачок и птицей поднимаясь в воздух.

Хвост коня зацепился за «Кольцо-гору».

— Видно, спокойствие дома тебе дороже счастья земли, — снова упрекнул нарта Арафа конь.

И опять пришлось ждать утренней зари.

— Боюсь, что пришельцы займут нашу землю и тогда будет трудно прогнать их, — сказал нарт Араф.— Уж лучше скорее вступить с ними в бой.

— Если мы вступим в бой, они обязательно победят нас, — отвечал ему конь. — Не проскочить через каменное кольцо — плохое предзнаменование!

Пришлось дожидаться третьей утренней зари. Когда забрезжили первые лучи солнца, конь сам поднял нарта Арафа.

— Вставай, будем в последний раз пытаться. Если не удастся, придется ехать и умереть на поле битвы.

Оседлал коня нарт Араф, натянул поводья и пустил его в бег. Стрелою, пущенною из лука, влетел конь в каменное кольцо. Оглянулся нарт Араф, а кольцо позади. «Будет удача!» — подумал он. Но только конь коснулся копытами земли, оторвалась подкова.

— Видно, приобретя удачу в бою, мы потеряем счастье в жизни, — сказал нарт Араф, показывая на упавшую в долину подкову.

— Что ж, ради счастья своей земли можно лишиться всего!

Не оскорбляя коня ни плетью, ни понуканьем, нарт Араф пустил его во всю мочь. Конь бежал рядом с ветром, опережая звон копыт о камни, не давая глазу схватить пространства, лежащие впереди.

Сколько камней он раздробил на своем пути, сколь-

ко гор и холмов развеял в пыль, сколько деревьев обратил в щепы!..

— Где они, эти страшные дэвы? — спрашивал нарт Араф своего верного друга и советника.

Но, видно, заслышали коварные дэвы приближающийся стук конских копыт, притихли. В какой стороне они, за каким хребтом — не могут решить ни нарт Араф, ни его конь. Прислушивается нарт Араф — не слышно треска ломающихся деревьев. Раздувает ноздри конь — не чувствует зловония, исходящего от дэвов.

Араф и его верный конь перешли все взгорья, все вершины хребтов, обыскали все леса, прошли через все долины, поля и пастбища, но нигде не нашли дэвов. Всюду был лишь след от них: в лесах — изглоданные, источенные червями кости; в долинах — туши зарезанных баранов; в садах — вырванные с корнем деревья; на полях — вытоптанные хлеба.

Нарт и конь теряли силы.

Наконец, после многих дней и ночей, Араф и его конь нашли дэвов в ущелье. Дэвы, как совы, боящиеся солнечных лучей, забрались в темное ущелье. Мохнатые, словно буйволы, они лежали по самое брюхо в воде, отдуваясь и шлепая толстыми губами. Вход в ущелье закрывал своим телом седой дэв с кровавыми от съеденного мяса глазами. Нос у него имел только ноздри — черные дупла; большие усы свисали вниз, облепленные зеленой пеной; уши, словно у ишака, торчали вверх; язык черный, расщепленный; спина — собачья; одежда — не то из войлока, не то из старых бурдюков.

— Эй, чужак-чудище, смотри, чтобы к твоему заду не прилипли лягушки! — закричал нарт Араф, останавливая коня на краю утеса.

— Вах, тебя-то мы и ждали! — фырча и отряхивая с длинных усов воду, ответил седой дэв, и повернулся с одного бока на другой. — Подойди-ка поближе, я смою с тебя пот, а с твоего коня — пену.

И, набрав в поганый свой рот воды, пустил струю.

— Ха-ха! — засмеялся нарт Араф. — У нас так лягушки пузыри пускают!

Взревел седой дэв, раздул щеки и пузо, набрал воды в рот (столько, что река обмелела) да как пустит водяную струю на скалы. Скалы задрожали.

— Смотри, как бы не лопнуло пузо! — крикнул нарт Араф, не оставляя своего места.

Как выжатый бурдюк, повалился дэв на дно реки.

— Чей это комариный писк там? — спросили седого дэва двое других. — Пусть убирается восвояси, пока мы не раздавили его!

— А ну-ка, вылезайте! Посмотрим, кто кого раздавит! — отвечал им нарт Араф, вызывая их на бой.

Замутилась вода в реке, загремели по дну камни: негодуя на слова нарта Арафа, заворочались джины.

— А ну, подойди ближе, а то тебя не видно! — сказал седой дэв.

Нарт Араф приказал коню спуститься в долину и встать перед ущельем.

— Ну, а теперь меня видно?

— Не совсем хорошо! — отвечал седой дэв.

Нарт Араф наклонился к уху коня:

— Подойди ближе.

— Приготовь меч, они хотят обмануть тебя, — предупредил своего друга конь.

Нарт Араф привстал на стременах:

— Эй вы, чужаки-чудища, оставьте нашу землю, иначе вас постигнет беда! Уходите, пока целы, пока я не расправился с вами!

Джины громко рассмеялись. От смеха гулом наполнилось ущелье. Нарт Араф обнажил меч. Джины вскочили на ноги. Вода, которую они сдерживали своими телами, хлынула в долину. Конь одним прыжком вскочил на уступ скалы.

— Боюсь, как бы мой меч не тронула сырость! — крикнул нарт Араф. — Уж лучше пусть появится на нем ржавчина от крови, чем от воды!

Седой дэв вышел вперед и, крепко ухватив стоящий подле дуб, с корнем выдернул его из земли.

— Хорошая, вижу, у тебя палица, да и меч у меня неплох! — нанося первый удар, сказал нарт Араф.

И началась битва. Нарт Араф рубил мечом, дэвы бились вместо палиц деревьями. Бороться одному про-

тив троих трудно: нарт Араф не успеет сделать и двух ударов, как на него обрушатся шесть. Если двое перед ним, то один сзади, и этот один страшнее двух. Если бы не конь, судьба нарта Арафа решилась бы: конь отбивался задними копытами. Нарт Араф рассек одному дэву лоб, другому — губу, а третьему, седому, выколол глаз. Дэвы ревели, исходя кровью. Наконец, один, обессилев, упал замертво. За ним повалился и второй. Самый большой дэв в страхе обратился в бегство.

Взбежав на вершину горы, он сбросил с нее осколок скалы величиною с дом. Скала, летя вниз, попала в нарта Арафа и, ударившись о его панцирь, разлетелась на куски. От ее удара нарт Араф вылетел из седла и упал на раскаленные солнцем камни. Дэв, убегая, захохотал:

— Подожди, Араф, еще встретимся!

Крикнув это, дэв скрылся за горою.

Нарт Араф подозвал к себе коня:

— Опустись возле меня, дай мне сесть в седло.

А когда сел в седло, наклонился к уху коня и сказал:

— Хватит ли у тебя сил, бесценный друг мой, настичь чужака-чудища?

Конь ответил:

— Сил у меня хватит настичь его, но хватит ли у тебя сил поразить его мечом?

Нарт Араф сжал рукоять меча и хотел поднять, но слишком тяжелым показался он ему. Склонился к шее коня и сказал:

— Если ты друг мне, то залечи мои раны, верни мне силу.

— Обмой меч, вложи его в ножны и крепче ухватись за мою гриву. Я знаю, что вернет тебе силу.

Дробя скалы, рассыпая холмы и разбрызгивая озера, понес конь раненного нарта Арафа к целебному источнику.

И вот после длинного, но быстрого пути конь остановился среди желтых и серых камней, перед скалою, в которой змеилась глубокая трещина. Из трещины, шипя, бурной струей вырывалась вода.

— Вот источник, что вернет тебе силы! — сказал конь, подгибая колени и ложась на живот.

Нарт Араф, оставив седло, припал горячими губами к студеным струям и сразу почувствовал облегчение: грудь вздохнула свободно, ноги обрели устойчивость, руки крепость, глаза ясность. Утолив жажду, нарт Араф поднял глаза на своего друга:

— Я поступил нехорошо, не напоив тебя первого. Так воин не должен поступать. Но я хотел не облегчить свои страдания, а вернуть себе силы. Я думал о родной земле...

— Исполнение обета священно. Ты поступил достойно, как мужественный воин: для исполнения святого обета можно поступиться обычаем.

Облака покрыли белые вершины гор, наступил вечер. В этот вечер, лежа на мягкой траве, нарт Араф увидел первую полную луну; он вспомнил, что сегодня начало февраля и, обратясь к коню, спросил:

— Много ли суток нам придется провести здесь?

— До тех пор, пока твое копье, когда ты ударишь им оземь, не войдет до половины; пока меч твой с одного удара не рассечет вон тех камней, что на вершине горы; пока стрела, пущенная тобою, не достанет Эльбруса, — отвечал конь.

И вот нарт Араф начал следить за возрастом луны, ведя счет уходящим дням. Когда же приблизилась восемнадцатая джумаа[1], он сказал:

— Попробую натянуть у лука тетиву: может быть, силы вернулись ко мне? — И достал из колчана стрелу.

— Не расточай стрел, — предостерег его конь, — они нужны тебе.

Нарт Араф взялся за рукоять меча, желая освободить его от ножен.

—Испробую удар меча о скалу: может быть, рука моя окрепла?

— Береги меч: иззубренный, он изменит тебе в бою, — остановил его конь.

---

[1] Дни мусульманского календаря.

Нарт Араф схватился за копье.

— Переломится — выточу новое! — воскликнул он и с размаху воткнул его в землю.

Копье вошло в землю менее, чем до половины.

— Что ж, будем ждать двадцатую джумаа!

Когда подошла двадцатая джумаа, нарт Араф снова ударил копьем оземь — копье опять не вошло и до половины.

«Придется подождать до двадцать первой джумаа», — подумал нарт Араф.

Раны, нанесенные ему дэвами, давно зажили — целебный источник исцелил их.

И вот подошла двадцать первая джумаа. Нарт Араф хорошо заточил острое копье, потом взял его обеими руками, поднял и с размаху ударил им оземь. Копье прокололо землю и так глубоко вошло в нее, что защемило нарту Арафу пальцы. Лишь только он отдернул пальцы, как из образовавшейся трещины ударила вода багрового цвета.

— Однако и здесь родник! — воскликнул нарт Араф и, обращаясь к своему коню, добавил: — Что за вода такая? Почему она красная?

— Ударом копья ты ранил землю. Это кровь ее, — ответил конь. — Напейся, и ты сделаешься непобедимым.

Нарт Араф упал на колени и стал жадно пить драгоценную влагу. Напившись, встал, взял лук, сильно натянул тетиву и пустил стрелу в вершину Эльбруса. Свистя, взвилась стрела в воздух и скрылась из глаз. Нарт Араф, приложив ухо к земле, стал слушать: стрела со звоном ударилась о вершину.

Выхватил из ножен остроконечный меч и с плеча обрушил его на камни, что на вершине горы. Багровые искры разлетелись в разные стороны, опалив лицо нарта Арафа и превратив рассеченные ударом меча серые камни в красные.

— Если ты мне друг, — крикнул нарт Араф коню, — неси меня скорее к тому месту, где скрывается коварный чужак-чудище!

Впрыгнул нарт Араф в седло и полетел на своем умном коне искать дэва. Поднялся на вершину

Эльбруса, достиг Дых-Тау, но нигде не обнаружил дэвов. И тогда нарт Араф вернулся к себе домой и зажил спокойной жизнью, имея внуков и правнуков.

II

Прошло много лет: говорят — сто, говорят — тысяча, и снова в долинах, ущельях и горах появились дэвы. Они пришли из чужих земель, желая захватить богатства народа: его леса, поля, его источник, дающий жизнь и камню, и человеку.

— Мы с помощью старшего брата прогоним пришельцев, а вместе с ними и тех, кто ждет от них помощи, — сказали потомки Арафа.

Старые пастухи и молодые косари, сменившие ярлыги и серпы на оружие, запомнили имена изменников и приказали запомнить их своим матерям, сестрам и невестам. Имена Хапаевых и беглых кабардинских князей Наурузовых, Итезовых, Барасбиевых произносились лишь с проклятьем на весь их род.

Пришельцы двигались несметными полчищами, пустив впереди себя птиц, закованных в сталь; тяжелых скорпионов, переползающих через любые горы, переплывающих любые реки. Повсюду — на холмах, в долинах и на высотах неприступных хребтов загремело чужое оружие и зазвучала чужая песня. Огненные ядра пустили из черных пушек пришельцы, свинцовый дождь пролили закованные в сталь птицы; железные скорпионы пробили собою запруды, пустив воду на поля и посевы, подожгли леса, разорили жилища. О Кавказ! Чужаки-чудища хотят завладеть тобою, созывай всех, кто может держать оружие, сидеть в седле, видеть врага!..

«Но разве на огонь можно идти с мечом, разве против железа устоит дерево?» — спрашивали потомки Арафа друг друга. И, засыпав землею целебный источник, ушли они в горы готовить оружие и собирать силы. Не прошло и одного полнолуния со дня, когда последний из потомков Арафа оставил долину Пяти гор, как всем стало известно, что источник нашел себе другой выход. Ушедшие в горы выбрали верных по-

сланцев и отправили их засыпать источник. Посланцы ночью подобрались к нему и только хотели выполнить приказание пославших их, как перед ними появился могучий нарт в кожаном шлеме и на коне.

— Остановитесь! — крикнул он. — Разве вам не известно, что в горах, в пустыне и в степи источник священен? Почему вы нарушаете обычай предков? Зачем пытаетесь прекратить жизнь источника? Если вы сдвинете на него Бештау, придавите вон теми красными камнями, все равно источник пробьет себе путь... Он вечен, как сама земля, как народ, что живет на ней. Вернитесь к тем, что ушли в горы. Пусть они соберутся здесь, у этой воды, которая для вас более священна, чем вода Зем-Зем[1].

— Кто ты? Как сказать нам о тебе? — спросили посланцы.

— Мое имя Серго, — ответил могучий нарт.

Скоро в долине Пяти гор собрались в великом множестве потомки нарта Арафа. Они соединили свои рассеянные силы, они лечили свои раны бьющею из источника водою. Испив чудесной влаги, исходящей из недр земли, почувствовали себя готовыми для встречи с врагами.

— Мы ждем твоего слова, нарт Серго, — обратились они к своему вождю, — скажи, и мы двинемся на врага.

Нарт Серго ответил:

— Это пролитая вами кровь обратилась целебной водою, и земля возвращает ее вам. Нас погибло больше, чем уцелело, и земля возвращает все, что приняла. Каждый из вас должен удвоить свои силы — он будет сражаться не только за себя, но и за убитого.

Девять зорь встретили воины нарта Серго. И вот раздался клич: «На коней!» — и тысячи воинов в полном вооружении были в седлах.

— Эй, племя нартов, пришел час, воскрешающий ваши подвиги! Теснее встаньте вокруг нарта Серго, поднимите ваше знамя — пусть оно будет красным факелом для вас.

[1] Зем-Зем — источник в Мекке.

Встал впереди войска нарт Серго, обнажил свой клинок и повел войска на врагов. Подобно барсу, устремился он на подлых пришельцев, задумавших захватить его Родину.

— Будем биться, пока не победим! — воскликнул нарт Серго.

— Будем биться! — воскликнули нарты и обнажили мечи. От их мечей упала темная тень в долине; топот копыт и звон оружия заглушили шум горных рек и водопадов.

И обрушилось горным обвалом племя нартов на чужаков-чудищ; стали нарты мять их копытами коней, рубить на куски, гнать с гор, из долин и лесов.

Тогда хитрые дэвы пустили впереди себя закованных в сталь птиц и скорпионов. Скорпионы, двигаясь по земле, сносили леса, сравнивали холмы, раздвигали ущелья; птицы, летя, посылали свинцовые грозы на все, что внизу, сжигая посевы, убивая людей и зверей...

Как быть храбрым нартам, если меч от удара о броню ломается, если посланная пуля не достигает цели? Где искать защиты? Кто придет на помощь?

— Стреляйте из длинных ружей! — закричал нарт Серго своему войску. — Рубите стальными мечами, пока не останутся одни рукояти; валите деревья, сталкивайте скалы!

И вот сомкнулись высокие деревья, преграждая стволами дорогу скорпионам, прикрывая нартов от летящих по небу птиц; обрушились скалы на ползущих скорпинов, засыпая их камнями, окутывая пылью.

Желтая молния разорвала черную тучу от востока до запада, ударил гром и на крылья стальных птиц посыпался град, птицы повернули назад. Горы поднялись выше, реки разлились, леса стали непроходимыми, и тогда пришельцы кинулись к своим кораблям, что стояли у берега моря...

Нарты, завладев стальными птицами, стали преследовать дэвов, пока не прогнали совсем...

III

Прошло не сто и не тысяча лет, а всего десять, и вокруг источника нартов возникли просторные дворцы, в которых лестницы сложены из мрамора, а залы вымощены яхонтом, изумрудом и сердоликом.

— Стройте такие дворцы, каких не было при Искандере, Аксак-Темире, Ануширване, — так сказал нарт Серго. — Стройте такие дворцы, каких нет во всем мире. В них будет жить самый великий, самый смелый и самый вечный властитель земли, гор, морей и лесов — в них будет жить народ!..

Слова могучего нарта Серго исполнены: дворцы воздвигнуты у Красных камней, опаленных искрами меча нарта Арафа; у приносящей людям счастье «Кольцо-горы» и у целебного источника.

Гордость народа — в созданных им памятниках. У народа, который шел за нартом Серго, гордость в Пятигорье, в дворцах, какие он построил, в источнике, названном им нартовской водой — Нарт-Заном.

Желание нарта Арафа и нарта Серго исполнилось; пусть исполнится и наше желание, если оно такое же чистое, как вода, бьющая из источника нартов.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 60 к.